

В. С. Кучко^{ab}

ORCID: 0000-0002-7139-5738

✉ kuchko@inbox.ru

^a Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)

^b Пермский государственный национальный
исследовательский университет
(Россия, Пермь)

ОЛОВО В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Аннотация. Статья обращается к судьбе олова в России — будучи импортируемым металлом, промышленных разработок которого Россия не имела, к XVII в. оно стало важной статьёй внутренней торговли и широко распространилось в обиходе всех сословий российского общества, включая крестьянство. В фокусе внимания автора — главным образом бытование олова и оловянных изделий в народной традиции: показана широта сфер применения олова в традиционной культуре (помимо бытовой, это сфера обрядности и народной медицины). Сведения исторического и этнографического характера используются наряду с данными народных говоров и фольклора для реконструкции русского культурно-языкового «портрета» олова. Выявляются свойства олова, наиболее релевантные для наивного носителя языка и, соответственно, закреплённые во вторичной семантике слов, образованных от названия рассматриваемого металла, и в контекстах с их участием.

Ключевые слова: олово, история металлов, историческая лексикология, диалектная лексикология, культурно-языковое портретирование, русские народные говоры, русский фольклор, русская народная традиция

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре Урала» (Пермский государственный национальный исследовательский университет).

Для цитирования: Кучко В. С. Олово в русской традиционной культуре: историко-лингвистический очерк // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 241–258. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-241-258>.

Статья поступила в редакцию 22 марта 2021 г.
Принято к печати 8 июня 2021 г.

V. S. Kuchko^{ab}

ORCID: 0000-0002-2285-6112

✉ kuchko@inbox.ru

^a Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Russia, Ekaterinburg)

^b Perm State National Research University
(Russia, Perm)

TIN IN RUSSIAN TRADITIONAL CULTURE: A HISTORICAL-LINGUISTIC ESSAY

Abstract. The article deals with the history of tin usage in Russia. The most important fact about it is that tin was an imported metal which Russia did not produce commercially. Nevertheless, tin became an important item of domestic trade by the 17th century and was widely used by all classes of Russian society, including the peasantry. The main focus of the article is on the presence of tin and tin products in the Russian folk tradition. The article shows the breadth of the spheres of the use of tin in traditional culture (in addition to everyday life, there are the spheres of rituals and folk medicine). Historical and ethnographic information is used along with data from folk dialects and folklore to reconstruct the Russian cultural and linguistic “portrait” of tin by ethnolinguistic methods. The author makes an attempt to reveal the properties of tin that are most relevant for a naive native speaker and, accordingly, that are fixed in the secondary semantics of words formed from the name of this metal, and in contexts with their participation. The article also contains data on the history of the Russian and Slavic words for tin.

Keywords: tin, history of metals, historical lexicology, dialect lexicology, cultural-linguistic portraiture, Russian folk dialects, Russian folklore, Russian folk tradition

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00269 “Mining and Early Plant Culture in the Language, Folk Writing and Folklore of the Urals”).

To cite this article: Kuchko, V. S. (2022). Tin in Russian traditional culture: A historical-linguistic essay. *Shagi / Steps*, 8(3), 241–258. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-241-258>.

Received March 22, 2021

Accepted June 8, 2021

Олово — металл, который издавна был прочно внедрен в обиход всех слоев населения Руси. Наряду с золотом, серебром, железом и медью олово было важным металлом и для народной традиции. Под народной традицией здесь мы будем понимать повседневную бытовую действительность тех носителей крестьянской культуры, которые, с одной стороны, не были вовлечены в производство (в данном случае — не относились к мастерам-«оловянщикам»), а с другой стороны, использовали этот металл. Задача настоящей статьи — показать диапазон сфер применения олова в традиционной культуре, глубину его укоренения в ней, реконструировать те символические смыслы, которыми олово «обросло», широко используя в быту и обрядовых практиках. При решении этих задач особый акцент будет сделан на русских народных говорах и диалектных текстах, поскольку именно они отражают уклад земледельца и его мировоззрение. Таким образом, мы попытаемся, во-первых, обратиться к истории бытования в русской культуре олова как металла, чтобы обозначить некоторый фактологический фон, на котором формировался образ олова в русской языковой картине мира; а во-вторых, этнолингвистическими методами реконструировать сам этот образ с опорой на языковые, фольклорные и этнографические данные.

Для начала приведем данные об истории названия *олово* и некоторые сведения культурно-исторического и этнографического характера об использовании этого металла на территории Российского государства.

Общеслав. *olovo* сближают с названиями цветов: др.-в.-нем. *ēlo* ‘желтый’, лат. *albus*, греч. *ἄλφός* ‘белый’ — металл, таким образом, назван по цвету [Фасмер 2007 (3): 135; ЭССЯ (32): 77]¹, что входит в существующую семантическую модель в области номинации металлов (к примеру, общеслав. **srebro* объясняется как заимствование из анатолийского источника *subauro* ‘блестящий’, см. комментарий О. Н. Трубачева в [Фасмер 2007 (3): 607], общеслав. **zolto* восходит к и.-е. корню со значением ‘желтый’ [Там же (2): 103]).

Др.-рус. *олово* известно с XI в., это слово обозначало как олово, так и свинец². У западных и южных славян оно, как правило, называет именно свинец,

¹ Вяч. Вс. Иванов, рассматривая славянские названия металлов с привлечением специальных историко-археологических данных и широкого лингвистического фона, отмечал, что «связь названия олова с названием цвета могла явиться следствием народной этимологии, приведшей и к перестройке начального сочетания фонем в слове. Первоначально же это слово <...> могло быть связано с тем же переднеазиатским источником, из которого заимствовано и греч. *μόλυβδος*, родос. *βόλμδος* (‘свинец, олово’. — В. К.) (слово засвидетельствовано в нескольких формах, указывающих на явно негреческое его происхождение)» [Иванов 1979: 99]. Олово было завозным металлом, а «пути торговой передачи олова объединяли весь переднеазиатский и средиземноморский ареалы во II тыс. до н. э., когда олово было необходимо для производства оловянистых бронз» [Там же].

Заметим, что довольно часто в Интернете встречается версия, согласно которой этот металл получил свое название метонимически, будучи материалом для сосудов, в которых хранили *оловину* — хмельной напиток, ср., например, статью [Zavodfoto 2018] и мн. др. Рус. диал. *оловина* ‘всякий хмельной напиток, кроме вина виноградного; брага, пиво, мед’ [Даль 1903–1909 (2): 1737], ср. еще *олово* калуж. ‘пиво’, зап., новорос. ‘деревянное масло’ [СРНГ (23): 180], родственное рус., др.-рус. *ол* ‘опьяняющий напиток’ < общеслав. **оль* ‘то же’, см.: [Фасмер 2007 (3): 132; ЭССЯ (32): 80]. Эта народная этимология продиктована желанием связать друг с другом омонимы и выпускает смысловое звено ‘сосуд, в котором хранили оловину’ и фактор хронологии.

² Др.-рус. *свиный* также фиксируется с XI в. [СлРЯ XI–XVII вв. (23): 162].

что продолжает ст.-слав. семантику слова (ср. болг. *олово* 'свинец', макед. *олово* 'то же', сербохорв. *олово* 'свинец; олово', словен. *ólovo* 'свинец', чеш., словац. *olovo* 'то же', польск. *olów* 'то же', в.-луж. *wolój* 'то же' и др., см.: [ЭССЯ (32): 76–77]), а для олова используются заимствования: болг. *калай* < турецк. *kalay*, чеш. *cin*, польск. *cynga* < нем. *Zinn* и др. [Черных 1999 (1): 597]. Считается, что свинец и олово с древних времен и вплоть до XVI в. воспринимались как разновидность одного металла³, — эту мысль, в частности, встречаем в примечаниях к переводу с латинского труда Георгия Агриколы [1986: 265] «О горном деле и металлургии». Агрикола для «разведения» этих металлов пользуется цветовыми атрибутивами — олово называет *plumbum album* или *plumbum candidum* («белый свинец» или «блестящий свинец»), а собственно свинец — *plumbum nigrum* («черный свинец»), что соответствует, как указывают авторы перевода и примечаний Р. А. Гальминас и А. М. Дробинский, классическому словоупотреблению (в новолатинском языке — позднее — для обозначения олова стало использоваться слово *stannum*, которое в классической латыни означало сплав серебра и свинца) [Там же: 265, 273].

Употребление др.-рус. *олово* для номинации обоих металлов — также свидетельство их совместного восприятия на ранних этапах. Терминологическая подвижность отражена и в следующих языковых фактах: *оловко* 'минерал темно-серого цвета, графит': «В одном ящике руда, называют ее по-немецки оловко, а по-русски карандаш самый прямой» (1683 г.) [СлРЯ XI–XVII в. (12): 359], *оловеник* 'особая бумага для письма карандашом (?)': «Такова грамота послана за приписью дьяка Максима Матюшкина. Писана на здирке на оловенике» (1638 г.); «А писана грамота на меньшей бумаге на оловенике татарским писмом» (1643 г.) [Там же: 360], *оловóк* зап. 'карандаш' [Даль 1903–1909 (2): 1737] (возможно, заимствование из пол. *olówek* 'карандаш'). Объяснить связи карандаша и его обозначений с помощью дериватов *олова* можно тем, что с XIII в. и вплоть до XVII в. для письма широко использовался свинцовый карандаш, который оставял «неброский, но четкий след <...>. Для получения более четкого штриха к свинцу стали добавлять до 30% олова. Свинцовый карандаш легко размазывался и стирался с поверхности хлебным мякишем» [Никитин 2016: 340]. В самом конце XVI в. в Англии был открыт графит, и палочки из графита уже в XVII в. пришли на смену свинцу и стали использоваться для письма. Графит, однако, долгое время назывался «черным свинцом» (англ. *black lead*), «рисовальным свинцом», в немецком языке графитовая палочка называлась *Bleistift* «свинцовая палочка», это же слово сохранилось для номинации современного карандаша, см. об истории карандаша, к примеру, очерк [Н. Л. 1917]. Таким образом, названия графита и карандаша были образованы от названия свинца (и в славянских языках скорее всего были кальками западноевропейских слов).

Россия не располагала промышленными разработками олова. Собственные запасы оловянных руд официально были обнаружены только в начале XIX в.

³ Ср. по поводу неразличения олова и свинца в клинописных текстах у индоевропейцев: «Древние часто и не стремились терминологически точно различать эти металлы, чему не мешали их основные константы — сравнительно низкие точки плавления и кипения, повышенная текучесть в расплавленном виде, большой удельный вес, незначительные цветовые различия, быстрое превращение руды в блестящую жидкость» [Довгыло 1996: 149].

в Иркутской губернии, притом, как пишет об этом составитель «Горного словаря» Г. Спасский, «... в Сибири так мало олова, что не стоило бы и упоминать о нем, если бы открытие его там не представляло бы довольно замечательного явления для науки и не обращало особенного внимания Правительства, пекущегося о распространении добычи этого необходимого в общежитии металла, в таком количестве, чтобы не было надобности приобретать его из заграницы» [Спасский 1841–1843 (2): 24]. Оловянными разработками мирового значения с древности (с середины II тыс. до н. э.) обладала Британия — ср. ее название у античных авторов (Геродота, Плиния, Страбона, Помпония Мела) *Cassiterides* — «Оловянные острова» [Гельбке и др. 1885: 260]⁴; ее запасы олова были востребованы очагами цивилизации в древности и Средневековье. В Россию олово и оловянные изделия попадали через Польшу и прибалтийские земли — из Англии или же из Богемии и Саксонии, также владевших оловянными рудами. Первое летописное свидетельство об обработке олова на Руси — притом русскими мастерами, а не «отъ Нѣмецъ», на что летописец обращает особое внимание, — относится к XII в.: «Того же лѣта <1194 г.>, мѣсяца сѣнтября, обновлена бысть церкви святая Богородица въ Суждали, яже бѣ опадала старостью и безнорядьемъ, тѣмъ же блуженымъ епископомъ Иваномъ и покрыта бысть оловомъ отъ верху до комарь и до притворовъ; и то чуду подобно <...> а иже не исца мастеровъ отъ Нѣмецъ, но налѣзе мастера отъ клеверть святое Богородици и отъ своихъ...» (Лаврентьевская летопись) (цит. по: [Хмыров 1875: 64]).

Непосредственная торговля Англии оловом с Московским государством началась с основанием Московской компании в 1551 г. — данные о русско-английских «оловянных» контактах времен Ивана Грозного, а затем подробная картина бытования и производства оловянных изделий в России XVII–XVIII вв. с приведением документов по истории торговли оловом, производства изделий из него и их распространения воссоздана в уникальном ввиду обращения к редкой теме и глубококом по содержанию диссертационном исследовании Е. Ю. Ельковой [2004]. В нижеследующем кратком изложении исторических сведений мы будем опираться на эту работу, в которой можно обратиться за доказательными иллюстрациями и документальными свидетельствами.

С начала XVI в. с английскими поставками соперничали поставки английского олова голландскими компаниями-перекупщиками. Металл доставлялся по Белому морю в Архангельск, откуда распространялся по территории России: по Северной Двине в Великий Устюг, а затем «часть товара отправлялась на северо-восток — в поморские города, в Вятку и Пермь; на местные ярмарки, как например, на Важскую Благовещенскую, или в Туглим; наконец, по волостям Устюжского уезда с коробейниками. Дальняя дорога вела в Сибирь, направлением на Тобольск. <...> Основной товаропоток двигался транзитом

⁴ Ср.: «*Cassiterides insulae*, Κασσιτερίδες νήσοι. Так назывались первоначально вообще Британские острова, откуда финикияне вывозили олово и свинец (Plin. 34, 16, 47), а потом лежащие к западу от Британии острова *Scilly* и *Surling*. Hdt. 3, 115. Strab. 2, 120 сл. Mela 3, 6, 2» [Гельбке и др. 1885: 260]. «Во времена Цезаря П. Лициний Красс нашел эти о-ва, в существовании которых Геродот (кн. III, § 115) сомневался, открыл копи олова и возобновил торговый путь к ним» [ЭСБЕ 1895: 683].

на юг, в центральные районы: поднявшись по Сухоне и ее притоку, в Вологде разгружали дощаники и через неделю на телегах и санях грузы доставлялись в Ярославль; отсюда путь лежал на Москву или вниз по Волге на юг, в Персию» [Елькова 2004: 36]. С середины XVII в., с ухудшением русско-британских отношений в связи с Английской революцией, значительная часть английского олова поступала в Россию из Швеции через северо-западные города (Новгород, Тихвин, Псков, Олонец и Ржев) [Там же: 38]. С началом Шведской войны поставки вновь осуществляет Англия через Архангельск и Санкт-Петербург [Там же: 41].

Гораздо большее, нежели в предыдущие века, распространение обработки олова и собственного производства оловянных изделий началось в Московском государстве с XVI в.; расцвет русского оловянного дела, в том числе художественного литья, приходится на период с 1720-х по 1770-е годы; позднее олово уходит из ремесла в промышленное производство, обеспечивающее нужды разнообразных казенных заведений (см.: [Елькова 2004: 56–57]). К XVII в. оно «проникло в быт русского общества. Оловянная утварь использовалась в царском и патриаршем хозяйстве, в домах бояр и купцов, а также в монастырях и церквях. Население городов и деревень покупало дешевые ювелирные изделия, нательные кресты и пуговицы из олова, реже — посуду» [Там же: 56].

В зависимости от того, в каком виде поступали в Россию слитки олова (в виде блюдец, брусков, прутьев и др.), оно называлось *оловом блюдным, брусчатым, досчатым, лычным, прутьевым, рогожным*, см. соответствующие контексты из деловых памятников XVII в. в [СлРЯ XI–XVII вв. (12): 359]. Мастера-оловянщики отливали из олова пуговицы, нательные кресты, образки, кольца, серьги, ложки, посуду, церковную утварь и др.; олово было необходимо для нанесения полуды, чтобы повысить устойчивость и прочность металлических изделий: лудились посуда, украшения, пуговицы, предметы лошадиной упряжи и пр. (см.: [Елькова 2004: 58 и сл.]); ср., например, появление отдельной номинации для оловянного сосуда в деловых памятниках XVI–XVII вв. — *оловяник* и *оловеник* (*оловеничек*) ‘оловянный (а также любой металлический) сосуд типа кружки или стакана’, ‘оловянный сосуд для хранения жидкости (преимущественно спиртного)’: «И в моем дому четыре оловяники, бушерма, крушка, шесть блюдов, укъсусници, и пересници, и солоници...» (Духовная грамота 3. Катунина, 1519 г.); «У чюдотворцова гроба з гробницы из оловяничка вынял 2 рубли 20 алтын с алтыном» (Книга приходная Кирилло-Белозерского монастыря, 1568 г.); «На погребѣ болшом судов оловяных и мѣденых: оловяник болшой треух, дватцат<ъ> оловяников болших и малых» (Переписная книга имущества Печерского Успенского монастыря, 1639 г.) и др. [СлРЯ XI–XVII вв. (12): 360].

Изделия из олова были в ходу в крестьянском быту — и диалектная лексикографическая традиция XIX и главным образом XX в. фиксирует некоторые предметные номинации, ср.: *оловянка, оловяник* (без указания места) ‘оловянная кружка’ [Даль 1903–1909 (2): 1737], *оловянник* арх. (пин.) ‘употребляемый крестьянами для питья пива оловянный стакан’ [Подвысоцкий 1885: 110], карел. ‘какой-н. предмет из олова’ [СРГК (4): 197], арх. ‘сосуд из олова’ (арх. *оловяшка* ‘то же’) [Дуров 2011: 269], пск. ‘оловянный ковш, черпак’: «Были

оловянники у нас. Здоровые такие, чтоп суп черпать» [ПОС (23): 195], *ловяная (ложка)* тул. ‘оловянная’ [СРНГ (17): 103], *оловянка* башкир. ‘оловянная кружка’ [СРГБ: 230].

Кроме посуды, олово шло на дешевые украшения (в основном кольца и серьги) и пуговицы, ср., к примеру, свидетельство корреспондента Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева из Сольвычегодского уезда Вологодской губернии: «Кольца носят самые дешевые: медные, оловянные и серебряные и очень редко золотые. Даже девочки с 10 лет начинают носить оловянные колечки. <...> Перстни и кольца льются самими крестьянами из олова» [РК (5/3): 476].

Основными физическими свойствами олова являются его легкость, мягкость, способность не окисляться, которая делает его пригодным не только в качестве самостоятельного материала для разнообразных изделий, но и в качестве полуды, наносимой на металлические (главным образом медные) изделия. Еще одно отличительное свойство этого металла — легкоплавкость (в том числе на открытом огне в бытовых условиях), способность быстро менять свою форму — ключевое качество, которое обуславливает особое значение этого металла для народной традиции (и благодаря которому олово образует своеобразную взаимозаменяемую пару не с каким-либо другим металлом, а с воском). Это свойство, вкупе с его дешевизной, позволяет олову проникнуть в разные сферы жизни крестьянина — его досуг; использоваться в святочных или приуроченных к другим поводам гаданиям; в народной медицине.

Олово наливали в кости копытных животных — так могла получаться кость для игры в бабки, ср. *оловянник* влг., перм., урал. ‘бабка, налитая свинцом или оловом’ [СРНГ (23): 189].

Одно из самых распространенных гаданий на Святки основывалось на топлении олова (наряду с другим легкоплавким веществом — воском): «Святочные гадания. Литье воска или олова в холодную воду (чаще в снег), причем гадающие обращают внимание не столько на вылившуюся фигуру из воска или олова, сколько на тень, какую будет давать полученная фигура при свете свечи на стене» (Ярославская губ., Пошехонский уезд) [РК (2/1): 210]; «Топят воск или олово и рассматривают, какая тень получится на стене от растопленной фигуры» (Костромская губ., Галичский уезд) [РК (1): 182]; «К Новому году приурочено несколько обычаев и примет; причем наиболее характерными выделяются: обычай производить гадания накануне Нового года при посредстве литья олова или воска в воду, разумеется, прежде растопив на огне; причем по слиткам предугадывают о будущем» (Вологодская губ., Грязовецкий уезд) [РК (5/2): 79].

Этот обряд назывался просто *лить олово* [Даль 1903–1909 (2): 1737]: «На Новый год лили олово» (карел.) [СРГК (4): 197]; «На Нoвый гoт, бывaлa, oлaвa лiли. Рaсплaвиш oлaвa, плoхнyт в вoдy, штo сaльццa. Пaхoжy нa винeц, зaмyш выйдиш, пaхoжy нa грoп, yмрeш»; «Вoлaвa рaстoпят, в вaдy льют. Ёсли кaлeчкaм ляжeт — зaмyж знaчит пaйдy», «Ёсли кoни [кoгдa] oльвe льeш, тo эть к свaдьбe. Свaдьбy-ть нa кoнях были» (пск.) [ПОС (23): 194]. Вода, в которую лили олово при гадании, называлась *оловянной* и тоже могла использоваться в обряде: «...девушки смотрятся в нее, чтобы увидеть суженого» (Архан-

гельская губ., Холмогорский уезд) [Подвысоцкий 1885: 109]. Эта практика не укрывалась от внимания Церкви (ср. *оловолиятель*, *оловогадатель* церк. ‘отливающий олово в воду, для гаданья, предсказаний’ [Даль 1903–1909 (2): 1737], *оловолёй* ‘кто олово льет с суеверным замечанием гадательствования’ [СлРЯ XVIII в. (16): 268]) — и среди вопросов, задававшихся мирянам на исповеди в XVIII в., был такой: «Воску и олова в блюдо не льешь ли?» [Алмазов 1894 (3): 158]⁵.

Еще один обряд, требующий расплавки олова, относится к области народной медицины — это *выливание испуга (переполоха)* у детей, т. е. лечение детского недуга *испуга (переполоха)* чтением заговоров над расплавленным оловом (или воском), ср. несколько свидетельств из Центральной, Южной России и Сибири: «От испугу. Сажают больного на порог и над его головою выливают в какую-либо посуду олово» (Воронежская губ.) [Мокшин 2013: 80]; «“Ладыт” от испугу на “вечорну зóрю”. Накрывают ребенка чем-нибудь белым (скажем, скатертью) всего с головой. Против сердца его держат ковшик холодной воды, а из “поварёнки” выливают в эту воду растопленное олово и говорят: “Кого испужался, тот и вылейся!” Так (делают) три зари. Сначала олово разсыпатца, как дробь, по всемя углам, а потом, как пойдет дело на поправу, все олово остается в кучке. Степан Фомич (Распопин) был маленькой, испужался гусей, так вот как ёс(ть) — гусь вылился... Этот способ “лаженья” довольно распространен» (Иркутская губ.) [Виноградов 1915: 371]; «Выливают переполох у нас в случае испуга, когда хотят узнать, отчего приключился он; бросают расплавленное олово или воск в воду, и чье примут они подобие, то самое перепугало больного; после чего и весь испуг проходит» (из примечаний Н. В. Гоголя к «Вечерам на хуторе близ Диканьки») [Гоголь 1959: 50]. Свидетельства этой практики доступны и в диалектных записях XXI в., ср. тюмен. *выливать* ‘лечить заговором над растопленным воском, салом, оловом, над угольками’, *вылеваться* ‘выходить, получаться в результате выливания в лечебном процессе, когда воск, сало, олово, после того как их растопят и выльют в жидком виде на воду, принимают определенные формы, по которым знахарь диагностирует болезнь и/или ее причину’ [Ермакова 2005]⁶.

Далее мы полностью сосредоточимся на языковых и фольклорных сведениях, чтобы проследить те свойства олова, которые закреплены в русской

⁵ Упоминания святочного гадания с использованием олова, конечно, проникли и в русскую литературу, ср., к примеру: «Вот, Бог даст, как дождемся Святок, приедут погостить свои, уж будет повеселее, и не видно, как будут проходить вечера. Вот если б Маланья Петровна приехала, уж тут было бы проказ-то! Чего она не затеет! И олово лить, и воск топить, и за ворота бегать; девок у меня всех с пути собьет» (И. А. Гончаров. Обломов, 1859); «Порфир Порфирыч оказался самым подходящим человеком, чтобы топить олово, ходить по улицам и спрашивать у вострених, как зовут жениха, играть в жмурки и вообще исполнять бесчисленные причуды развеселившейся молодежи» (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Дикое счастье, 1884), цит. по НКРЯ.

⁶ С. М. Толстая в очерке «Лито-накапано» отмечает, что ритуальное литье олова или воска лежит в основе группы общезыковых и локальных выражений со значением сходства одного объекта с другим, в частности литер. *вылитый* ‘очень похожий на кого-л., что-л.’ в выражениях типа «Ребенок — вылитая мать, вылитый отец»: «Язык видит в ребенке то же воспроизведение облика родителя (или другого прототипа), которое способна дать застывшая восковая или оловянная фигурка загаданного лица, отлитая знахарем» [Толстая 2008: 317].

языковой картине мира и составляют этнолингвистический портрет реалии. Давнее знакомство населения Руси (России) с оловом и частое его использование в быту способствовали отражению в народных говорах некоторых его качеств — как физических (скажем, цвет: «Мой конь вороной, грива оловянная» [СРНГ (23): 189]), так и «культурных» (например, ценность), а также появлению и закреплению в языковых фактах и фольклорных текстах ряда символических смыслов, приписываемых ему.

В первую очередь, прослеживается собственно «металлическая» семантика — основанная на принадлежности олова металлам, т. е. на таких качествах, как **крепость, твердость**.

Известна поговорка *слово — олово* — без указания места ‘веско’ [Даль 1903–1909 (2): 1737], арх. ‘молчание’⁷ [Дуров 2011: 381], морд. ‘о слове, которое не расходится с делом, на которое можно положиться’: «У миня словь-ольвь: сказал — зделъл» [СРГМ: 724], пск. *слово что олово* ‘о чьем-л. твердом, надежном обещании, высказывании’ [СППП: 108]⁸. В. И. Даль считал, что это выражение подразумевает старую семантику *олова* — ‘свинец’, см.: [Даль 1903–1909 (2): 1737], очевидно, из-за легкости собственно олова. Тем не менее выбор *олова*, вероятнее всего, обусловлен попросту созвучием слов для создания рифмы в поговорке — олово вполне способно быть эталоном твердости и крепости, как любой другой металл (ср. карел. «Хлеб — черствятина, как оловянный стау» [СРГК (4): 197], пск. «Пастрѣйка фѣя кирпѣичинь, не згарѣт и ни развѣлица, как с ъльвь слѣтыя» [ПОС (23): 194]). Еще одно закреплённое во фразеологии подтверждение этому — арх. *оловянная память* ‘очень хорошая, крепкая память’: «У него память хорошая, прямо оловянная, крепкая» [СРНГ (23): 189]. Твердость металла легла в основу прозвища *Оловяш* — ‘прозвище [крепкий, сильный]’: «Ваня Алавяш рабатяшшай, зря ня скажаш...» [Ванюшечкин 1983: 17]. Сходно с поговоркой *слово — олово* морд. *как оловом облить* ‘сказать, заявить с чувством ответственности’: «Старый присядатиль словь скажѣт как ольвьѣм абальѣт, у няво дяла шли» [СРГМ: 681] — здесь, помимо семантики твердости, можно предположить мотив лужения посуды — собственно обливания изделия оловом для лучшей его сохранности.

Металлическая крепость олова может противопоставляться обычной человеческой уязвимости, ср. арх. *оловянное горлышко* ‘о пьянице’: «Горлышко оловянное он-то, горлышко оловянное, все что заработал, все пропил» [СРГК (4): 197] — ср. совпадающее и по смыслу, и по образности прост. *лужёная глотка*.

Еще одно «общеметаллическое» качество — **гладкость** поверхности оловянного изделия, ср. пск. *как олово* ‘о гладкой, зеркально ровной и тихой поверхности водоема’: «Озеро как олово» [СППП: 108]; «Тѣхо былѣ как ълово [о водной глади]» [ПОС (23): 194]. В живой речи названия металлов могут

⁷ Имеется в виду сила слова, ср. полную статью: «Слово. Независимо от обычного значения: талисман, заклинание. Отсюда выражение *слово — олово* — молчание» [Дуров 2011: 381].

⁸ Ср. еще в литературе, к примеру: «Мое слово олово. Я сказал: вне брака более ничего не будет, ни-ни-ни...» (Н. С. Лесков. Некуда, 1864); «Сказал, не буду — и не буду... Мое слово — олово!» (И. Е. Вольнов. Повесть о днях моей жизни, 1912); «Но ты не бойся, тебя не тронут. Слово — олово!» (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 3, 1928–1940) (цит. по НКРЯ).

быть взаимозаменяемы — и *оловянный* вполне может значить просто ‘металлический’, ср. «Наставлень зѹбѣф какѣх-то лавянных» (о золотых зубах) [ПОС (23): 195].

«Металлические» свойства олова отражаются и в фольклоре. Севернорусская заговорная традиция знает персонажей с оловянными частями тела, причем олово в такого рода текстах изофункционально другим металлам — главным образом железу и меди — и появляется потому, что «прагматическая установка текста вынуждает придать объекту или субъекту силу и крепость» [Агапкина 2010: 211]. В частности, металлические, в том числе оловянные зубы или челюсти (а иногда и другие части тела, по принципу усиления «втягиваемые» в создание целокупного образа) нужны магическому персонажу-целителю, чтобы ими загрызть недуг больного: «В чистом поле стоит дуб, в нем сидит баба-яга, глаза о л о в я н н ы, зубы железные, я покорюсь, помолюсь: заешь, загрызи у моего р. Б. младеня... грыжу» (сев.-рус.) [Там же]; «В чистом поле течет река медвяная, берега золотые; плывет по этой реке рыба, а имя ей щука. Зубы у ея железны, щеки медны, глаза о л о в я н н ы, и тая щука железными зубами, медными щеками, о л о в я н н ы м и глазами загрызает, закусывает и заглядывает лобочную грыжу» (олон.) [Там же: 213]; «Пойду на чисто поле, там есть камень, под камнем лежит щука: рот железной, зубы о л о в я н н ы; заедает и загрызает — грыжу белу, грыжу черну, грыжу костяну, грыжу пупову, грыжу приточную и всех двенацеть грыж» (арх.) [Дуров 2011: 89]; ср. еще персонажей с теми же функциями: «...у этой щуки зубы золезны, други о л о в я н н ы, третьи медны» (олон.), «...черный кот <...> зубы железны, глаза о л о в я н н ы» (арх.) [Агапкина 2010: 307].

Олово может упоминаться в заговорах и в качестве самостоятельной сущности в разных агрегатных состояниях (как расплавленное или «сухое») — однако также в ряду других металлов, которые разделяют между собой общие свойства. Ср., к примеру, отрывки из заговоров от «уразов» — разных телесных повреждений: «Святые бессеребренники Кузьма и Демьян ходили по земли, о л о в о и медь сливали. Коль крепко о л о в о и медь сольется, столь крепко у р.б. (имя) рана зарастается...» (арх.) [Дуров 2011: 420]; «Как истяной Христос духом своим святым не слышит в себе <...> пытку, огонь, железо, рану и руду, ураз и щипоту, жилу и ремень, и веревку, и петлю, уклад и булат и всякое влас, медь и свинец и о л о в о сухое <...>, и тако бы я, раб Божий, слышил в себе, ни в сердце своем, ни в теле своем, ни в костях, ни в жилах, пытки огня, железа, раны и руды» (арх.) [Агапкина 2010: 367]⁹.

Интересно, что, в то время как языковые факты эксплуатируют качества олова (оловянных изделий) исключительно как вещества (предметов), относящегося к группе металлов, в русских заговорах наряду с текстами, где олово изофункционально другим металлам и служит эталоном крепости, можно встретить такие, где олово — как в ритуальной сфере — изофункционально воску, т. е. выступает как носитель собственных уникальных для металла качеств — **мягкости** и **легкоплавкости**. Это, например, заговоры, которые должны делать меч неопасным для говорящего: «Кован еси брат, сам

⁹ Разумеется, в своем прямом значении — и в ряду прочих названий металлов — *олово* встречается и в фольклорных текстах других жанров (сказочной прозе, лирических песнях, загадках и мн. др.).

еси оловян, а сердце твое вошано, ноги твои каменны. Не укуси мене...» [Агапкина 2010: 211]: «Ковал есми и думал есми лихую порчу и думу. И ковал есми, брате, мечь, и копье, и стрелы, и ножи и всякое оружие. И сами естя будите оловянные, сердца ваши вошанные, ноги ваши каменные» (влг.) [Там же]. Т. А. Агапкина комментирует первый приведенный текст следующим образом: «Меч не только скован из мягкого и легкоплавкого олова и потому уязвим физически, но и сердце его сделано из воска. Каменные ноги говорят об искомой неподвижности меча и потому, вопреки первоначальному восприятию (каменный как ‘крепкий, сильный’), делают соперника слабым» [Там же].

Сразу несколько признаков олова положены в основу яркого по образности выражения *оловянный глаз* (*оловянные глаза*), фигурирующего в говорах и растиражированного в литературных произведениях.

Диалектные фиксации фразеологизма представляют несколько значений: *ловянный глаз* пск., твер. ‘имеющий бельмо на глазу’, ‘недобрый, лукавый глаз’ [ДО: 160], *оловянные глаза* без указания места ‘мутные и бездушные’ [Даль 1903–1909 (2): 1737].

В художественных текстах фразема *оловянные глаза* (*оловянный взгляд*) используется в обозначении широкого спектра состояний человека — далее мы воспользуемся репрезентативной выборкой примеров из НКРЯ, сделанной Е. Л. Березович при изучении образа берестяных глаз и представленной в [Березович 2016: 73–74]. Этот образ участвует в описании глаз с бельмом: «Я со страхом вижу вывернутые кровавые веки, оловянные бельма на глазах, провалившиеся носы...» (И. С. Шмелев); *глаз мертвых*: «Лакей, который в момент катастрофы подавал царю сливки, лежал теперь на рельсах, не шевелясь, с остановившимися, оловянными глазами» (Г. И. Чулков); *холодного взгляда*: «Роллинг оловянными глазами взглянул на нее: “В больших делах, мадам Ламоль, нет личной вражды или дружбы”» (А. Н. Толстой); *страшных, отталкивающих глаз*: «Лицо у него было плоское, медное, окисшее, в морщинах лежала какая-то празелень, особенно уродовали это лицо совершенно лишние на нем оловянные глаза, так неприятно прилипавшие к моему лицу, что всегда хотелось вытереть щеки ладонью» (М. Горький); *бесчувственного, «неживого» взгляда*: «У всех здесь стеклянные глаза, но у этой хуже — оловянные, я ее так и прозвала “оловянные глаза”, отупевшая от своей работы, похожая на мокрицу, вялая, полумертвая, ни на что не реагирующая, старше всех... она израсходовалась» (Т. Окуневская), «...настоящие его заботы где-то впереди, куда порою устремлялись его бойкие, но как бы не живые, оловянного блеска глаза» (Ф. К. Сологуб); *жестокое взгляда*: «Он показался Чаадаеву все тем же вечным деспотом с оловянными глазами» (Э. Радзинский); и *ступенного взгляда*: «Потом он посмотрел вокруг оловянными, страдающими глазами и потребовал аспирина» (В. П. Катаев).

Образ оловянных глаз и в народной, и в литературной страгах языка обнаруживается в длинном ряду метафор, рисующих разного рода аномалии человеческого взгляда с помощью обращения к названиям разных материалов — в основном это дерево и металл вообще, ср. влг., костр. *берестяные глаза* [КСГРС; ЛКТЭ], диал. широко распространенное *лубяные* (*лубочные*) *глаза* [СРНГ (17): 173–174], костр. *лутюшные глаза* [ЛКТЭ], литер. *деревян-*

ные глаза (взгляд) — эти выражения имеют обширный круг значений, также собранных и прокомментированных в [Березович 2016], которые можно обобщить до негативных оценок человека: ‘о бесчувственных, неживых глазах’, ‘о наглом взгляде; о лживом человеке’. Этому же ряду метафор принадлежит образ металлического взгляда или металлического блеска глаз, встречающийся в художественных текстах, ср. примеры из НКРЯ: «Ставрошевская смотрела прямо в глаза Митьке Жемчугову, напрасно сясь распознать, что было у него там, внутри, за этим металлически-бесстрастным взглядом, который имел на нее то же действие, какое имеет направленное в упор на человека дуло огнестрельного оружия» (М. Н. Волконский. Тайна герцога (1912); «Но если бы кто-то из них повнимательнее взгляделся в его глаза, то уловил бы в них металлический отблеск, свойственный взгляду наблюдающего врага» (Е. Евтушенко. Ягодные места, 1982), «Кто-то, имеющий силу, подступал непреклонно, пронзал металлическим взглядом» (Е. Чижова. Лавра // Звезда, 2002).

Теплота нормальных человеческих глаз противопоставляется холоду и бесчеловечности глаз, будто бы сделанных из неживого и твердого материала — дерева вообще и очищенной от коры липы (лутохи) в частности, бересты, металла вообще и олова в частности. Выбор олова из всех металлов в качестве эталона «нечеловечности» связан в первую очередь с его внешними признаками — светлым оттенком и тусклым блеском. Именно белый цвет востребован и говорами, и литературным языком для передачи разных аномальных состояний человека — от сильных негативных эмоций до полной бесчувственности и холодности; именно он может характеризовать, например, глаза с бельмом или глаза мертвецов, см. об этом: [Березович 2016: 64–70]. Тусклость олова, неоднократно замеченная в художественных текстах¹⁰, также играет роль в создании всего образа. Метафора оловянных глаз, таким образом, питается и собственно металлической символикой, и цветовой.

Явная нечеловечность «оловянных глаз», их принадлежность кому-либо недоброму (ср. *ловянный глаз* ‘недобрый глаз’ [ДО: 160]) позволяют им приобретать **символику иномирности** — быть атрибутом персонафицированной смерти или нечистой силы (наряду с деревянными ногами, медными зубами) — ср. перм. «Пугали раньше смертью — лутоховы де ноги, оловянные глаза» [СРГЮП (2): 41], а также географически не атрибутированный способ оберега от нечистых духов с помощью детей, зрение которых еще не замутнено грехом: «...ставили в красный угол ребенка, который мог заметить оловянные глаза и медные зубы нечистой силы» [Новичкова 1995: 470].

Еще один признак олова, способствующий прирастанию символических смыслов, — его **дешевизна**. Во-первых, из-за своей невысокой стоимости

¹⁰ Ср., например, следующие контексты: «...помощник его, непременный член суда (сам исправник схитрил и сказался больным), был очень еще молодой человек, с оловянными, тусклыми глазами и с отвислыми губами» (А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов, 1869); «На небе зеленоватые отсветы заката вытесняла густеющая чернь, тусклый оловянный блеск реки затухал» (Н. Дубов. Небо с овчинку, 1966); «Стекла бинокля блестели тусклым оловянным блеском» (А. И. Мусатов. Зеленый шум, 1963); «Теплый низовой ветерок нанес тучи поплотнее, поверхность реки стала оловянно-тусклой, брызнуло мелким, смахивающим на туман дождем» (И. А. Ефремов. Лезвие бритвы, 1959–1963) (цит. по НКРЯ).

оно может соотноситься с идеями **бедности**, ср. поговорку «Только у молодца и золотца, что пуговка оловца!» [Даль 1903–1909 (2): 1737; СлРЯ XVIII в. (16): 267–268], **рачительности**, **бережливости**, ср. свердл. *оловянный грош не пропадёт* (у кого-либо) ‘об экономном и хозяйственном человеке’ [СРГСУ (3): 56]. Во-вторых, дешёвое олово противопоставляется драгоценным металлам — и связывается с идеей **малоценности**, ср. «Олово — не золото, пропадай — не дорого» (Новгородская губ., Белозерский уезд) [РК (7/1): 63], башкир. *оловяшки* ‘монеты из недрагоценного металла’: «Ш’шяс каки-то оловяшки, а ран’шь золотые ден’ги были» [СРГБ: 230].

Низкая цена на олово оборачивалась его незаконным использованием — *оловяшками*, или *оловянниками*, назывались фальшивые «под серебряную чеканку» монеты [Дуров 2011: 269], потому что они изготавливались из олова, ср.: «...при царе Алексее Михайловиче начали делать из олова и другое употребление, на которое царь, в грамоте пермскому воеводе Львову, 10 июня 1646 г., жаловался таким образом: “Ведомо нам учинилось, что привозят к нам, к Москве, из городов целовальники денежные доходы и в тех доходах <...> оловянные деньги, и в том нашей казне чинится истеря; также и у торговых и у всяких людей, на Москве и в городах, в товарных покупках бывает в худых воровского дела деньгах смута большая”» [Хмыров 1875: 287]. В Соборном уложении 1649 г. значилась следующая мера по борьбе с фальшивой чеканкой из олова: «Которые денежные мастера учнут делати оловянные деньги <...> и тех денежных мастеров за такое дело казнити смертию, залити горло (оловом же)» [Там же].

* * *

Культурная история олова в России довольно примечательна. Несмотря на то что олово и оловянные изделия были импортным товаром, к XVII в. они стали важной статьёй внутренней торговли и широко распространились в обиходе всех сословий российского общества. Попадая в страну морским путем с севера или сухопутным с запада, олово начинало свое путешествие по внутренним центрам производства и торговли, т. е. крупным городам и монастырям. Обработка олова, таким образом, в России была централизованной; согласно данным, обобщенным в [Елькина 2004], основными «оловянными» центрами в России XVII–XVIII вв. были Москва, Петербург, Архангельск, Ярославль, Вятка, Симбирск, причем главным потребителем сырья и поставщиком готовых изделий выступали царские Кремлевские художественные мастерские, а после реформ Петра I, когда ремесло стало получать цеховую организацию, наибольшего производственного успеха достиг Московский оловянишний цех.

При этом оловянные изделия вышли далеко за рамки элитарного потребления (при царском дворе, при монастырях) и быстро вошли в быт не только высшего сословия и духовенства. Благодаря своей дешевизне (на сезонных русских ярмарках олово изначально стоило примерно в сто раз дешевле серебра) олово и изделия из него стали доступны и для носителей традиционной культуры. Олово активно использовалось в быту — в основном из него изготавливали посуду, отливали дешёвые ювелирные украшения, оно было необходимо для лужения медных изделий. Будучи в ходу у крестьянства, в силу

своей легкоплавкости олово проникло и в сферу традиционной обрядности. Как раз использование олова в святочных гаданиях и знахарстве — где оно, будучи попульным «элементом» крестьянского хозяйства, в основном натурального, оказалось сопоставлено с «натуральным» воском, — свидетельствует о глубине его укоренения в крестьянской культуре.

Олово попало в число базовых для низовой культуры недрагоценных металлов — об этом говорит тот факт, что в фольклорных текстах название этого металла составило устойчивый ряд вместе с *медью* и *железом*. Выше в статье приводились примеры из русской заговорной традиции, где олово, медь и железо рассматривались как изофункциональные металлы. Подобные случаи обнаруживаются в русских сказках — ср., например, мотив изготовления трех медных, трех железных и трех оловянных прутьев для различных целей в сказках «Буря-богатырь Иван коровий сын» [Афанасьев 1984–1985 (1), № 136], «Беглый солдат и черт» [Там же (1), № 154], «Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь» [Там же (2), № 182]. «Фольклорное» *олово* может составлять текстовые пары с *медью* и *железом* (ср. только некоторые примеры: загадка «Кáтитца кáтушка ни вóлаво, ни птушка, ни вó л а в о, ни м е т ь, ни адгадáть никаму́ па смéртъ» [ПОС (23): 194]; строфа похоронной причети: «Как не слышит меня братец-красно солнышко, / Не спровержит единого словечушка! / Как булат этим железом груди скованы, / Вроде оловом уста его призалиты!» [Барсов 1997: 90]; отрывок заговора: «Ветер с неба спускается, сустав с суставом смыкается, л о в ь (олово) с м е д ь ю сливается, сустав с суставом составляется» [Агапкина 2010: 390]).

Вхождение олова в народную материальную и духовную культуру сопровождалось появлением соответствующих языковых единиц в народных говорах и текстах фольклора — и отразилось на приобретении этими единицами вторичных смыслов. Их обзор выявляет самые заметные реальные признаки олова и символические смыслы, приписываемые ему.

Многие из черт народного портрета олова оказываются воспроизведенными в русской литературе. Частично это было показано выше — при описании олова как эталона крепости (ср. *слово* — *олово*), олова как приметы «нечеловечности» и даже потустороннего мира (*оловянные глаза*). Более полную картину можно составить благодаря тематическому выпуску «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петрова, посвященному метафорам с названиями камней и металлов. Примеры, собранные в этом выпуске, расширяют ряд уже приведенных. Кроме того, в художественной литературе отражены следующие черты, составляющие народный портрет олова: его т я ж е с т ь («Сердце с годами Грузно, как олово!» (Балтрушайтис, 1912) [Кожевникова, Петрова (4): 119]), его роль как м е р и л а т у с к л о с т и, м у т н о с т и («Очи его тусклы, яко олово» (Лажечников, 1833) [Там же: 84]; «И — разные глаза: Один здоровый — светится, А левый — мутный, пасмурный, Как оловянный грош!» (Некрасов, 1865–1877) [Там же: 85]; «Душа, как олово, мутна» (Вс. Рождественский, 1925–1976) [Там же: 114], «Тусклые, словно олово, Волны встают вокруг» (А. Баркова, 1971) [Там же: 269]), способность к л и т ь ю («Душный зной, словно олово, льется От небес до иссохшей земли» (Ахматова, 1911) [Там же: 180]; «Раскаленное олово с небесных полей На усталые головы, Солнце, не лей!» (Амари, 1912) [Там же: 198]).

Несмотря на сравнительно недолгий период функционирования олова в качестве металла, обслуживающего бытовые нужды высших слоев населения, и его постепенное вытеснение с последней трети XVIII в. керамическими и стеклянными изделиями, в народе олово было востребовано еще долгое время — и его популярность и широта сфер применения оставила заметный след в языке и фольклоре.

Источники

- Агрикола 1986 — *Агрикола Георгий*. О горном деле и металлургии в двенадцати книгах (главах) / Под. ред. С. В. Шухардина; Пер. и примеч. Н. А. Гальминаса, А. И. Дробинского. 2-е изд. М.: Недра, 1986.
- Афанасьев 1984–1985 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М.: Наука, 1984–1985.
- Барсов 1997 — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: В 2 т. / Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. Т. 1: Похоронные причитанья. СПб.: Наука, 1997.
- Виноградов 1915 — *Виноградов Г. С.* Самоврачевание и скотолечение у русского старожилото населения Сибири (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния // Живая старина. Г. 24. Вып. 4. 1915. С. 325–432.
- Гоголь 1959 — *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1959.
- Мокшин 2013 — Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии: Хрестоматия / Сост., вступ. ст. и примеч. Г. Н. Мокшина. Воронеж: Истоки, 2013.
- РК — Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб.: Изд-во «Деловая полиграфия», 2004; Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд. СПб.: ООО «Навигатор», 2006; Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007; Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2007; Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 1: Белозерский, Боровичский, Демянский, Кирилловский и Новгородский уезды. СПб.: ООО «Навигатор», 2010.
- Zavodfoto 2018 — ZAVODFOTO.RU. 21 интересный факт про олово // Яндекс.Дзен. 2018. 24 дек. URL: <https://zen.yandex.ru/media/zavodfoto/21-interesnyi-fakt-pro-olovo-5c20fde232121100a94a34f3>.

Словари

- Ванюшечкин 1983 — *Ванюшечкин В. Т.* Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры: А — Н: Материалы по диалектологии: Учеб. пособие. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1983.
- Гельбке и др. 1885 — Реальный словарь классических древностей по Любкеру / Под ред. ... Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского, В. Канского, М. Куторги и П. Никитина. СПб.: Изд. Об-ва классич. филологии и педагогики, 1885.
- Даль 1903–1909 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд. СПб.; М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909.
- ДО — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1858.
- Дуров 2011 — *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011.

- Кожевникова, Петрова 2017 — *Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю.* Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 4: «Камни, металлы»; Вып. 5: «Ткани, изделия из тканей» / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. 2-е изд. М.: Языки славян. культуры, 2017.
- Подвысоцкий 1885 — Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собр. ... и сост. А. Подвысоцкий. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1967–.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ред. С. Г. Бархударов и др. Вып. 1–. М.: Наука, 1975–.
- СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века / Ред. С. Г. Бархударов и др. Л.; СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.
- Спасский 1841–1843 — Горный словарь, составленный Григорием Спасским, обер-берг-гауптманом 5 класса и кавалером Императорской С.-Петербургской Академии наук корреспондентом и разных ученых обществ членом. Ч. 1–3. М.: Тип. Н. Степанова, 1841–1843.
- СППП — Словарь псковских пословиц и поговорок / Науч. ред. Л. А. Ивашко; Отв. ред. Л. А. Карпова. СПб.: Норинт, 2001.
- СРГБ — Словарь русских говоров Башкирии: А — Я / Под ред. З. П. Здобновой. Уфа: Гилем, 2008.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.
- СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб.: Наука, 2012.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
- СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья: В 3 т. / Под ред. И. А. Подюкова. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2010–2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). Вып. 1–. М.; Л. / СПб.: Наука, 1965–.
- Фасмер 2007 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Астрель; АСТ, 2007.
- Черных 1999 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999.
- ЭСБЕ 1895 — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. Т. 14а. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1895.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–. М.: Наука, 1974–.

Картотеки, корпуса

- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Литература

- Агапкина 2010 — *Агапкина Т. А.* Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010.
- Алмазов 1894 — *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в Православной Восточной Церкви: В 3 т. Одесса: Типо-лит. Штаба Одесского военного округа, 1894.
- Березович 2016 — *Березович Е. Л.* *Берестяная роза и берестяные глаза*: этнолингвистический комментарий к русским диалектным фразеологизмам // *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen* = Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования. Teil. 1 / Hrsg. von A. A. Alekseev et al. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016. S. 57–81.
- Довгяло 1996 — *Довгяло Г. И.* Свинец (олово) в ритуалах индоевропейцев // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. Vol. 8. 1996. S. 147–157.
- Елькова 2004 — *Елькова Е. Ю.* Художественное олово в контексте русской культуры XVII–XVIII вв.: Дис. ... канд. искусствоведения / Науч.-исслед. ин-т теории и истории изобразит. искусств Рос. акад. художеств. М., 2004.
- Ермакова 2005 — *Ермакова Е. Е.* Сибирская заговорная традиция (конец XX — начало XXI вв.) / Под ред. И. С. Карабулатовой. [Т. 1]. Тюмень: Изд. Пашкин, 2005. [Цит. по электрон. версии]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore//ermakova1.htm>.
- Иванов 1979 — *Иванов Вяч. Вс.* Славянские названия металлов и проблемы восстановления ранних этапов металлургии у славян // *Советское славяноведение*. 1979. № 5. С. 82–100.
- Никитин 2016 — *Никитин А. М.* Художественные краски и материалы: Справочник. М.: Инфра-Инженерия, 2016.
- Н. Л. 1917 — *Н. Л.* Карандаш и его история // *Вокруг света*. 1917 г. № 5. С. 76–78.
- Новичкова 1995 — *Новичкова Т. А.* Русский демонологический словарь. СПб.: Петербургский писатель, 1995.
- Толстая 2008 — *Толстая С. М.* Пространство слова: Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.
- Хмыров 1875 — *Хмыров М. Д.* Металлы, металлические изделия и минералы в древней России: материалы для истории русского горного промысла. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1875.

References

- Agapkina, T. A. (2010). *Vostochnoslavijskije lecebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Siuzhetika i obraz mira* [East Slavic healing spells in comparative perspective: Plots and the world view]. Indrik. (In Russian).
- Almazov, A. I. (1894). *Tajnaia ispoved' v Pravoslavnoi Vostochnoi Tserkvi* [Secret confession in the Eastern Orthodox Church] (Vols. 1–3.). Tipo-litografija Shtaba Odesskogo voennogo okruga. (In Russian).
- Berezovich, E. L. (2016). *Berestianaia rozha i berestiane glaza: etnolingvističeskii kommentarii k russkim dialektnym frazeologizmam* [*Berestianaia rozha and berestiane glaza: An ethnolinguistic commentary on Russian dialect phraseological units*]. In A. A. Alekseev et al. (Eds.). *Slavische Geisteskultur: Ethnolinguistische und philologische Forschungen* = *Slavianskaia dukhovnaia kul'tura: etnolingvističeskije i filologičeskije issledovanija* (Part 2, pp. 57–81). (In Russian).
- Dovgialo, G. I. (1996). *Svinets (olovo) v ritualakh indoeuropeitsev* [Lead (tin) in the rituals of the Indo-Europeans]. *Etnolingvistyka: Problemy języka i kultury*, 8, 147–157. (In Russian).
- El'kova, E. Iu. (2004). *Khudozhestvennoe olovo v kontekste russkoi kul'tury XVII–XVIII vv.* [Artistic tin in the context of Russian culture of the 17th–18th centuries] (Cand. Sci. (Art Criti-

- cism) Thesis, Scientific Research Institute for Theory and History of Fine Arts, The Russian Academy of Arts, Moscow). (In Russian).
- Ermakova, E. E. (2005). *Sibirskaiia zagovornaia traditsiia (konets XX — nachalo XXI vv.)* [Siberian spell tradition (late XX — early XXI centuries)], [Vol. 1]. Izdatel' Pashkin. <http://www.ruthenia.ru/folklore//ermakova1.htm>. (In Russian).
- Ivanov, Vyach. Vs. (1979). Slavianskie nazvaniia metallov i problemy vosstanovleniia rannikh etapov metallurgii u slavian [Slavic names of metals and problems of restoration of the early stages of metallurgy among the Slavs]. *Sovetskoe slavianovedenie*, 1979(5), 82–100. (In Russian).
- Khmyrov, M. D. (1875). *Metally, metallicheskie izdeliia i mineraly v drevnei Rossii: materialy dlia istorii russkogo gornogo promysla* [Metals, metal products and minerals in ancient Russia: Materials for a history of Russian mining]. Tipografiia A. S. Suvorina. (In Russian).
- Nikitin, A. M (2016). *Khudozhestvennye kraski i materialy: Spravochnik* [Art paints and materials: Reference book]. Infra-Inzheneriia. (In Russian).
- N. L. (1917). Karandash i ego istoriia [Pencil and its history]. *Vokrug sveta*, 1917(5), 76–78. (In Russian).
- Novichkova, T. A. (1995). *Russkii demonologicheskii slovar'* [Russian demonological dictionary]. Peterburgskii pisatel'. (In Russian).
- Tolstaya, S. M. (2008). *Prostranstvo slova: Leksicheskaia semantika v obshcheslavianskoi perspektive* [The realm of words: Lexical semantics in common Slavic perspective]. Indrik. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Валерия Станиславовна Кучко

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Топонимическая лаборатория, кафедра
русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации, Уральский
федеральный университет им. первого
Президента РФ Б. Н. Ельцина
Россия, 620000, Екатеринбург, пр-т
Ленина, д. 51
Тел.: +7 (343) 389-97-38
научный сотрудник, Лаборатория
теоретической и прикладной
фольклористики, Пермский
государственный национальный
исследовательский университет
Россия, 614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7 (342) 239-63-74
✉ kuchko@inbox.ru

Information about the author

Valeria S. Kuchko

Cand. Sci. (Philology)
Senior Research Fellow, Toponymic
Laboratory, Department of Russian
Language, General Linguistics and Verbal
Communication, Ural Federal University
named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin
Russia, 620000 Ekaterinburg, Prospekt
Lenina, 51
Tel.: +7 (343) 389-97-38
Research Fellow, Laboratory of Theoretical
and Applied Folklore Studies, Perm State
National Research University
Russia, 614990, Perm, Bukireva Str., 15
Tel.: +7 (342) 239-63-74
✉ kuchko@inbox.ru